

Хроника конференции

14, 15, 16 и 17 июня 1999 г. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН прошла Всероссийская конференция молодых специалистов «Вопросы славяно-русского рукописного наследия», организованная Отделом древнерусской литературы. Это шестая конференция подобного рода (отчет о предыдущей конференции см.: *Семячко С. А.* Конференция молодых специалистов «Вопросы славяно-русского рукописного наследия» // РЛ. 1991. № 2. С. 225—227).

Открывая конференцию, доктор филол. наук О. В. Творогов отметил ее методическое значение и пожелал успеха участникам. От имени организаторов к участникам и гостям конференции обратилась доктор филол. наук Н. В. Поньрко. Она напомнила, что конференция молодых ученых, проходящая в стенах Пушкинского Дома, родилась в 70-е гг. и с того времени с легкой руки Д. С. Лихачева (это его «детище») стала традиционной формой общения молодых исследователей. Подчеркивая важность таких встреч, Н. В. Поньрко сказала, что конференция позволяет обозреть актуальные направления современной науки и пути ее развития в ближайшие годы.

Утреннее заседание первого дня конференции вели доктор филол. наук О. В. Творогов и аспирантка Отдела древнерусской литературы Н. В. Пак.

Работу конференции открыла аспирантка Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН Н. В. Бражникова (Москва). В докладе «Хроника Георгия Синкелла в древнеславянском переводе» она поделилась предварительными текстологическими наблюдениями над сопоставлением трех списков памятника (РГБ, собр. Егорова, № 863, № 908, собр. Ундольского, № 1289). Анализ общих фрагментов показал, что в большинстве случаев в списках Егор. 863 и Егор. 908 представлены более исправные чтения. В списке Унд. 1289 обнаруживаются мелкие текстологические отличия: пропуски, перестановки, лексические замены. Сложность решения вопроса о месте и времени создания славянского перевода Хроники Георгия Синкелла, по мнению Н. В. Бражниковой, связана с тем, что в языке Хроники отмечаются, с одной стороны, слова, характерные для восточнославянских памятников, с другой — для южнославянских. В качестве ближайшей аналогии такого сочетания в одном тексте русизмов и южнославянизмов была названа докладчицей Хроника Георгия Амартола.

Доклад Т. В. Анисимовой (сотрудника Отдела рукописей РГБ) «О трех малоизвестных списках Хроники Георгия Амартола из собрания Е. Е. Егорова» отразил результаты кодикологического и текстологического исследования новонайденных списков Хроники Георгия Амартола из собрания Е. Е. Егорова РГБ. Первый список (Егор. 863), относящийся к ранней разновидности так называемой редакции группы Б, был выполнен в Москве в 1452 г. Рукопись предназначалась в дар старцу Феодору, казначею новгородского архиепископа Евфимия II Вяжецкого, с именем которого, как предполагает докладчица, следует связывать редакцию кодекса (по списку редакции группы А, близкому к архетипу последней), а также дополнение списка Хроникой Георгия Синкелла. Список Егор. 305 в первой части (до главы 50) использовал протограф, восходящий к первому протографу Егор. 863, но в силу неисправности оригинала писцы заменили его списком редакции группы А. Третий список (Егор. 335, последняя четверть XVI в.) вызывает особый интерес. По мнению Т. В. Анисимовой, этот список — неизвестная разновидность редакции (группы А с элементами Хронографической редакции), претерпевшей позднейшую лексико-стилистическую правку. Наличие в нем Предисловия к Еллинскому летописцу второго вида, написанного в 1485 г. Иваном Черным, и Лаодикийского послания Федора Курицына дает определенные основания связать последнюю редакцию с деятельностью книжного кружка Ивана Черного (ок. 1485 г.).

Сотрудник Отдела рукописей РНБ М. А. Шибаев выступил с докладом «Младшая редакция Софийской I летописи и московское летописание второй половины XV — начала XVI в.». На

основе ряда текстологических и кодикологических наблюдений над списками Младшей редакции Софийской I летописи был сделан вывод о том, что текст оригинала списков Младшей редакции Софийской I доведен до 1423 г., а не до 1456 г., как считалось ранее. М. А. Шибаев также пришел к заключению, что на основании дошедших до нас Бальзеровского и Царского списков Младшей редакции Софийской I можно реконструировать целую ветвь московского летописания второй половины XV — начала XVI в. При этом Бальзеровский список оказывается оригиналом летописи, продолжившей Младшую редакцию до 1471 г. В докладе был также затронут вопрос о соотношении Младшей редакции Софийской I летописи и Московского свода конца XV в.

Доклад А. В. Сиренова (сотрудника Отдела рукописей РНБ) «Контаминация в рукописной традиции Степенной книги» основывался на материале 140 списков памятника и был посвящен анализу важной особенности его рукописной традиции. Докладчиком выявлено 17 списков Степенной книги, включающих признаки нескольких типов текста, и предложена новая попытка объяснить их. П. Г. Васенко считал, что такие списки отражают переходные этапы изменения текста от одного типа к другому, и представил историю Степенной книги как постепенное изменение текста переписчиками. Однако, по мнению докладчика, они являются не переходными, а смешанными, то есть механически соединяют тексты разных типов. В качестве примера рассматривались два списка: РНБ, Погод. 1423 (вторая четверть XVII в.) и F.IV.226 (XVII—XVIII вв.). Текстологические наблюдения позволили высказать предположение, что при создании «смешанного» списка Степенной книги переписчик, видимо, пользовался двумя списками-оригиналами, обращаясь то к одному, то к другому. Заканчивая свое выступление, А. В. Сиренов подчеркнул, что выявление случаев контаминации в рукописной традиции Степенной книги предоставляет возможности для дальнейшего плодотворного изучения истории памятника.

В докладе «Известия, легенды и сказания о новгородских владыках в Новгородской летописи по списку Дубровского (К вопросу об источниках памятника)» аспирантка ИРЛИ О. Л. Новикова обратила внимание на один из недостаточно изученных памятников новгородского летописания XVI в. Она установила, что при создании летописи по списку Дубровского, сохранившейся в рукописи РНБ, F.IV.238, особое внимание составителя было обращено на историю новгородской владычной кафедры и деятельность владык. В эту летопись были вставлены отдельные летописные статьи, легенды и сказания, посвященные архипастырям Великого Новгорода («Сказание о святой Софии», «Сказание о построении Благовещенского монастыря», «Видение софийскому пономарю Аарону», «Сказание о новгородском архиепископе Ионе»). Изучение известных списков этих памятников привело к выводу, что тексты произведений наиболее близки соответствующим текстам, находящимся в составе сборника (РГБ, Волокол. 659), который был составлен в Волоколамском монастыре по повелению игумена Нифонта в 1536 г. Однако они претерпели изменения. Так, в тексты «Сказания о построении Благовещенского монастыря» и «Видения софийскому пономарю Аарону» были внесены существенные добавления и уточнения. О. Л. Новиковой установлен источник этих добавлений — «Краткий летописец новгородских владык». К этому же источнику восходит и ряд известий непосредственно в летописи по списку Дубровского, а также «Сказание о святой Софии».

Стажер Отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН И. В. Якшин (Новосибирск) в докладе «К истории перевода Евангелия Учительного» представил попытку решения проблем датировки перевода памятника и его соотношения с греческим оригиналом. По описаниям рукописей докладчиком обнаружены два греческих списка с наибольшим числом совпадений с составом Евангелия Учительного (gr.П.98 из Библиотеки св. Марка, Венеция; А.Ш.3 из Национальной библиотеки, Брешна). Особое внимание уделялось двум поучениям из Евангелия Учительного, не имеющим аналогов в греческих сборниках, — первому Поучению на Новолетие и Поучению на 1 августа, строящихся по иным принципам, чем остальные гомилии Евангелия Учительного. Прослежена также краткая история и принципы sprawy памятника, предпринятой в кругу Максима Грека; назван новый список правленного

текста (РНБ, F.I.206, кон. 20-х — нач. 30-х гг. XVI в.). Основываясь на палеографических наблюдениях, И. В. Якшин высказал предположение об участии Исаака Собака в работе над этим списком и опроверг мнение А. В. Горского и К. И. Невоструева о том, что перевод Евангелия Учительного был совершен в 1407 г., а 1343 г. — дата составления византийского сборника. В 1343 г., считает докладчик, был впервые переведен сборник, а в 1407 г. отредактирован митрополитом Киприаном, и в этой редакции памятник получил наибольшее распространение в Древней Руси.

В перерыве между заседаниями участники и гости конференции познакомились с выставкой, развернутой в Древлехранилище им. В. И. Малышева Пушкинского Дома. Экскурсию по Древлехранилищу провел В. П. Бударрагин.

Вечернее заседание вели доктор филол. наук Н. В. Понырко и стажер-исследователь ГПНТБ СО РАН В. В. Иткин (Новосибирск).

Е. Э. Слива, соискатель ИРЛИ (С.-Петербург), продолжил работу первого дня конференции докладом ««Другие молитвы св. Василия» в греческой и русской рукописной традиции». Он рассказал о малоизученном цикле молитв, авторство которых в греческой рукописной традиции приписывается святому Василию (рукопись Coisilin gr. 213). В ходе исследования славянских Часословов студийской традиции были выявлены все 8 «других молитв», которые, как правило, помещаются в заключительных частях всех служб суточного круга богослужения. В славянских рукописях XIV в. Е. Я. Слива выявил еще одну «другую молитву», утраченную в греческой традиции. Новонайденная молитва свидетельствует, что первоначально цикл насчитывал 9 молитв, в каждой из которых упоминается один из чинов небесной иерархии. «Другие молитвы» составляют суточный цикл, подобно тому, как молитвы Кирилла Туровского внутри той же студийской традиции представляют собой седмичный цикл молитв. И наконец, «другие молитвы» знакомли древнерусского читателя с терминологией Псевдо-Дионисия задолго до перевода Ареопагитик на славянский язык в XIV в.

Проблему атрибуции митр. Киприану двух разных редакций текста Литургии Преждеосвященных Даров в пяти служебниках, содержащих приписки о переводе их митрополитом, поставила в своем выступлении аспирантка кафедры русского языка филологического факультета СПбГУ Т. И. Афанасьева (доклад «Литургия Преждеосвященных Даров в служебниках, связанных с именем Киприана»). Проведенное ею исследование показало, что на Руси правка Литургии проводилась два раза. Первое редактирование проводилось до Киприана, второе связано с его деятельностью. Появление имени Киприана под разными редакциями Т. И. Афанасьева объясняет следующим образом: первая редакция Литургии, представленная в служебнике Киприана Синод. 601, отстоит от архетипа редакции (рукопись БАН, Арх. Д.9) и содержит поновление — в чинопоследование вставлены светильничные молитвы, близкие к редакции Киприана в других служебниках. Докладчица считает, что Киприан в начале своей литургической деятельности редактировал уже существовавший до него текст на уровне чинопоследования, приводил его в соответствие с южнославянскими и греческими правленными редакциями. Позже он составил полностью новую редакцию текста, которая получила большое распространение в древнерусской рукописной традиции.

«Песнопения нотированной Триоди в древнерусской рукописной традиции» С. Н. Тутолмина (выпускница С.-Петербургской Консерватории) рассматривала на материале песнопений службы Фоминой недели. Докладчица сопоставила музыкально-поэтический текст песнопений в нотированных Триодях XII — второй половины XVII вв. с ненотированными списками того же периода и сделала заключение о существовании в нотированной книге редакций поэтического текста, отличных от книги ненотированной. Данная особенность связана с музыкальной интерпретацией текстов. Разночтения в поэтических текстах достаточно стабильны на протяжении всего рассматриваемого периода, что свидетельствует о самостоятельности развития певческой традиции. Лишь в XVII в. в результате книжной sprawy поэтический текст нотированных рукописей был скорректирован по ненотированным

спискам, сохранив при этом особенности распева. Были рассмотрены стихиры «на стиховне» в Фомину неделю (с одинаковым инципитом «О дивное чудо»), являющиеся наглядным примером распевания текстов по принципу подобия (вторая и третья стихиры цикла распеты по подобию первой). Принцип подобия проявляется как на поэтическом, так и на музыкальном уровне. Подводя итоги, С. Н. Тутолмина подчеркнула, что «поэтический и музыкальный тексты, соединяясь в песнопении и дополняя друг друга, образуют целостные произведения, играющие важную художественную роль в богослужебном ритуале».

Выпускница Консерватории Н. В. Сушкевич в докладе «Авторское начало в сборнике инока Елисея, распевщика XVI века» поделилась наблюдениями над певческой рукописью РНБ, Кир.-Бел., № 652/909 (писанной иноком Елисеем в 1558—1559 гг.). Особенности рукописи говорят об индивидуальных методах работы инока Елисея по составлению сборника, подбору певческого материала, редактированию и, возможно, созданию новых песнопений. Особенно ярко это проявилось в подборке стихов покаянных. Подборка состоит из нескольких циклов, организованных по гласовому (музыкальному) и тематическому принципам. Помимо необычности структуры труд инока Елисея отличает использование в некоторых случаях и нехарактерной для данного жанра формы фиксации текстов — певческий инципит, что позволило выявить богослужебные источники, послужившие основанием для возникновения нового, внебогослужебного жанра стихов покаянных. Такие источники установлены для нескольких стихов по той же рукописи, и поскольку стихи известны пока только по списку Елисея, Н. В. Сушкевич предположила, что автором этих произведений мог быть сам Елисей.

А. Ю. Попов (аспирант Консерватории) в докладе «Приемы композиции в знаменном распеве конца XVII в.» попытался доказать, что техника композиции в песнопениях знаменного распева псалмодийного (ирмолойного) типа конца XVII в. соотносится с системой организации поэтического текста. Данная закономерность, как считает докладчик, проявляется в соотношении знаков нотации с ударными и безударными слогами текста. В качестве подтверждения высказанного положения было рассмотрено реформирование поэтического текста во второй половине XVII в., когда основной предпосылкой стало стремление восстановить соответствие акцентуации в музыкальном и поэтическом тексте. Последним в этот день был доклад студента Консерватории А. В. Денисова «Сюжетный параллелизм литургических текстов и его отображение в духовных стихах», в котором рассматривался один из элементов поэтики литургической культуры православия — сюжетный параллелизм. Сюжетный параллелизм возникает при соотнесении событий церковной истории, направленном на выявление существующих между ними символических, преобразовательных связей. Определены докладчиком и основные формы сюжетного параллелизма — прямой/инвертированный, однократный/многократный, полный/неполный; показан механизм отображения сюжетного параллелизма в духовных стихах. При первой форме отображения (полиплановость сюжета) фрагменты разных сюжетов, находящихся в отношении параллелизма, в стихе подвергаются совмещению, объединению; при второй (сюжетная трансмиссия) возникает перенос фрагмента одного сюжета в контекст стиха, производного от другого сюжета.

Подводя итоги работы вечернего заседания, доктор филол. наук Н. В. Поньрко отметила высокий уровень прочитанных докладов и заметила, что они (в основной своей части посвященные литургике) свидетельствуют об оформлении в науке целого течения, разрабатывающего данную проблему.

Утреннее заседание второго дня конференции (15 июня), посвященное проблемам агиографии, вели канд. филол. наук С. А. Семячко и сотрудник Отдела рукописей РНБ А. В. Сиринов.

Двум древнерусским переводным памятникам был посвящен доклад аспирантки ИРЛИ Н. В. Пак «Житие Петра Афонского и Чудо о Петре Николая Мирликийского». Связанные происхождением (Чудо о Петре в одной из греческих редакций вошло в Житие Петра Афонского), эти памятники имели впоследствии различную судьбу: Чудо, известное в

русских списках с XII в., на Руси было соотнесено с Петром Афонским только при издании «Служб, Жития и чудес Николая Мирликийского» 1641 г. Сопоставление Чуда и Жития позволило прояснить некоторые вопросы происхождения греческих текстов, их славянских переводов и уточнить время событий, о которых повествуется в памятниках. В докладе также была кратко охарактеризована их древнерусская рукописная традиция; поставлен вопрос о возможных источниках редакций. В заключение докладчица высказала предположение о том, что св. Петр Афонский, по-видимому, не был известен на Руси до введения Иерусалимского устава: XV в. датированы старшие русские списки Жития, в древнейших месяцесловах память святого отсутствует, старший русский список Службы входит в Служебную mineю Иерусалимского устава (РНБ, Соф. 207. 1439 г.).

Аспирантка кафедры русской литературы СПбГУ О. А. Устинова продолжила тему древнерусских сказаний о Николае Мирликийском докладом «“Сказание о чуде Николая Мирликийского об утопшем детище”: к проблеме источников текста». При переводе греческого жития Николая Мирликийского (XI в.) основной (греческий) корпус сказаний о посмертных чудесах, сопровождающих, как правило, житие святого, был дополнен несколькими текстами сказаний о чудесах, созданных, возможно, на Руси. На сегодняшний день сказания о чудесах, имеющие русское происхождение, изучены менее всего. В докладе рассмотрено одно из таких чудес — «Сказание о чуде Николая Мирликийского об утопшем детище». Проведенное текстологическое изучение 46 списков текста позволило установить, что текст Сказания в рукописной традиции был представлен не двумя типами текста, как считал А. В. Багрий (*Багрий А. В. Киевский список чуда св. Николая об утопшем детище // ИОРЯС. 1914. Т. 19, кн. 2. С. 264—280*), а тремя его разновидностями, названными докладчицей Полной, Сокращенной и Краткой редакциями. Был поставлен вопрос, какой из этих текстов более соответствует архетипному. Для решения его важно установить источники текста Сказания. Рассматривая эту проблему, О. А. Устинова обнаружила не только типологическую и стилистическую близость памятника к сказанию о подобном чуде Климента Римского, но и знакомство автора киевского Сказания с другими сказаниями о посмертных чудесах, входящих в основной (греческий) корпус сказаний Николая Мирликийского, в частности со «Сказанием о Дмитриии», которое сближает со «Сказанием о детище» не только мотив «спасения на воде», но и общий принцип организации текста. В докладе Е. А. Турук (аспирантки Новосибирского университета) «II Кассиановская редакция Киево-Печерского патерика и ее протограф» речь шла о бытовании текста II Кассиановской редакции памятника. Текстологический анализ списков позволил выделить две группы — Софийскую и Лаврскую. Выяснилось, что списки Софийской группы, в отличие от Лаврской, сохранили чтения ранних редакций. Внутри каждой группы выделяются подгруппы, на близость списков которых указывают текстуальные и структурные соответствия, а также тождественные записи о создании редакции. В ходе анализа докладчица установила списки, которые не могут быть отнесены ко II Кассиановской редакции. Один из них — РНБ, Q.I.758, XVII в., ранее привлекался исследователями лишь в общем обзоре списков редакции. Е. А. Турук предположила, что список Q.I.758 содержит текст протографа Кассиановских редакций, так называемой Иоанновской редакции Киево-Печерского патерика, составление которой А. А. Шахматов относит к середине XV в.; прежде считалось, что до нас не дошло ни одного списка этой редакции. Текст списка Q.I.758 по составу не является типичным как для II, так и для I Кассиановской редакции. На протографичность текста Q.I.758 по отношению к Кассиановским редакциям также указывают и текстологические особенности рукописи. «Таким образом, — подчеркнула Е. А. Турук, — список Q.I.758, несмотря на мелкую редактуру текста и перестановку глав, позволяет увидеть в реальном текстовом воплощении Иоанновскую редакцию Киево-Печерского патерика, о которой говорил А. А. Шахматов». Научным событием стал доклад выпускника Петрозаводского университета Н. И. Соболева «К проблеме литературных источников Жития Стефана Пермского». Установлением литературных источников этого памятника, написанного Епифанием Премудрым,

занимались многие исследователи. Н. И. Соболеву удалось выявить еще один — Повесть о святом Авраамии, приписываемую Ефрему Сирину. Влияние Повести на Житие Стефана Пермского весьма значительно: во-первых, в Житии имеется большое количество прямых заимствований из Повести (всего докладчиком обнаружено 12 таких фрагментов); во-вторых, очевидна сюжетная близость между рассказом о святительстве Стефана Пермского и рассказом о крещении языческого селения в Повести; в-третьих, Повесть, по-видимому, оказала влияние и на идейную организацию Жития Стефана Пермского. Как заметил докладчик, сопоставление Жития с его источником — Повестью — позволяет еще раз прояснить важнейшие особенности стиля Епифания Премудрого, а также некоторые черты в религиозном облике преподобного Стефана Пермского.

Ю. Г. Фефелова (соискатель ИРЛИ) продолжила заседание докладом «Из комментария к “Повести о Петре и Февронии” (К вопросу о единстве «богослужебного комплекса»)». Она предложила рассматривать повесть как «уставное чтение», то есть текст, который читался во время праздничного бдения на память этих святых. Вторая редакция жития, часто в рукописях сопровождающая службу, содержит уставные указания, в соответствии с которыми и распределяются чтения в службе святым. Что касается вступления о Троице, оно было, по-видимому, определено на конец вечерни, где чином великого чтения полагаются Деяния апостольские, а с недели всех святых — Послания. Такое предположение оправданно самой топикой вступления к житию. Это допущение объясняет загадочную оторванность вступления от общего сюжета жития, а, с другой стороны, оно оправданно возможной календарной близостью памяти святых к верхней границе Пятидесятницы. Первая часть жития, разрабатывающая змеборческий мотив, по-видимому, читалась по первой кафизме, вслед за седальном: «Вси празднуем» 1-го гласа, по подобю седальна на Сретение.

Змеборческий мотив первого чтения на утрени (корреспондируя с гимнографией Воздвижения) создавал важную смысловую скрепу со стихирами на «Господи, воззвах» обеих групп на вечерне, где также говорилось о змеборческом подвиге Петра (и Февронии). Обращение к гимнографии Воздвижения помогает определить внутренний мотив другого фрагмента жития, говорящего об исцелении от змеиных струпьев. Оно также продиктовано фактом использования материала этой службы в «Трактате о Троице» Ермолая-Еразма, на что обратил внимание еще А. Н. Попов. Смысловой доминантой повести, ее семантическим кодом является концепт Премудрости, истоки которого — в брачной символике евхаристии, что рассматривается в докладе через паремийное чтение «Премудрость созда себе дом» ряда служб. Для раскрытия метафоры брака в повести использован материал служб Рождеству и Успению Богородицы, Рождества Иоанна Предтечи, на попразднество которого приходится память Петра и Февронии.

Выступление Л. М. Навтанович (ассистентки кафедры русского языка СПбГУ) посвящалось проблемам славянского перевода ветхозаветного апокрифа Книга Еноха. Славянская Книга Еноха известна в списках сербского, молдавского и болгарского происхождения конца XVI — начала XVIII в. Славянский текст апокрифа был известен на Руси, об этом свидетельствуют упоминания о Енохе в Повести временных лет, Послании архиепископа новгородского Геннадия и др. Единой точки зрения на славянский перевод Книги Еноха не выработано. Существует предположение, что перевод был совершен с греческого языка на старославянский в Македонии или Паннонии; другая гипотеза связывает перевод непосредственно с Киевской Русью, где он был выполнен с древнееврейского языка на древнерусский.

По окончании заседания участники конференции имели возможность познакомиться с академической Пушкинской выставкой, развернутой в стенах ИРЛИ.

Вечернее заседание провели канд. филол. наук О. А. Белоброва и Н. И. Соболев.

Истории бытования «Путешествия в Святую землю князя Николая Радзивила» в русской литературе XVII — начала XVIII в. посвятила свой доклад аспирантка ИРЛИ И. В. Федорова. Древнерусский перевод Путешествия, выполненный в XVII в., известен в 11 списках XVII—XVIII вв. В основном это отдельные рукописи, за исключением двух списков — ГИМ,

Синод. 529 (сборник путешествий, последняя треть XVII в.) и энциклопедический сборник (РНБ, Титов. 3931, первая треть XVIII в.). Последний и стал предметом специального рассмотрения. В кодексе читаются отрывки из памятника. Они отличаются упорядоченностью, логичностью изложения и сюжетной завершенностью; их последовательное расположение позволяет предполагать, что выписывались они в ходе чтения текста. Однако знакомство древнерусского читателя с Путешествием проходило и опосредованно, через другие произведения, авторы которых обращались к описанию князя уже как историческому источнику. Иоанникий Галятовский обратился к изданию Путешествия при создании сочинений «Небо новое» и «Лебедь», переведенных с польского языка на русский в 1677 и 1682 гг. Вероятно, польское издание 1607 г. использовал при пополнении «Хроники Европейской Сарматии» Александра Гваньини ее переводчик на польский язык М. Пашковский (впервые предположение об этом высказал американский исследователь Д. К. Уо). Через Хронику Гваньини сюжеты, заимствованные из Путешествия, перешли в извлечения, известные в переводе на русском языке под названиями «О турках, откуда произошли» (РНБ, Q.I.244) и «Повесть о турках» (РНБ, Q.IV.126), а также в 59-ю главу 76-главной Космографии и в 4-ю главу «Скифской истории» А. И. Лызлова. С докладом «“Урядник сокольничья пути” как литературный памятник» выступил аспирант Института филологии СО РАН А. В. Шунков (Новосибирск). В докладе были представлены некоторые аспекты поэтики памятника (композиция, стиль, авторская позиция в изображении картины церемониального мира и др.). Рассматривая «Урядник сокольничья пути» как сочинение, созданное при непосредственном участии Алексея Михайловича, докладчик попытался воссоздать общее представление автора о законах эстетики, художественного значения церемониала. Особое внимание уделялось понятиям красоты и гармонии, толкуемым в произведении. Красота является одной из основ разумного существования мира, и сохранение этого узаконенного и регламентированного «устройства», «уложения» — залог гармонии всего миропорядка. Как подчеркнул А. В. Шунков, в «Уряднике сокольничья пути» ярко выражена идея гармонии, органичности целого. Критериями гармонии мира в памятнике являются, в отличие от предшествующей традиции, не схоластические христианские догматы, а эстетические представления автора о мире и его устройстве. Каждая статья произведения — художественная реализация представлений о красоте. Таким образом, «Урядник сокольничья пути» — образец не только практического руководства по проведению церемонии, но и светского эстетического трактата о красоте и гармонии.

Свой доклад «“Visit literalny”, или “Литература посетительная”: к истории дружеского письма в русской литературе XVII в. (по материалам переписки Симеона Полоцкого и его корреспондентов)» аспирантка кафедры русской литературы СПбГУ И. А. Подтергеря начала с тезиса, что частные письма восточнославянских барочных литераторов, выпускников Киево-Могилянской академии, могут быть рассмотрены как образцы дружеских посланий. Это следует и из понимания сущности эпистолярного жанра «учеными поэтами» XVII в. — Симеоном Полоцким и деятелями его круга, и из «набора» устойчивых эпистолярных мотивов, к которым они прибегают в своих частных письмах. Барочные авторы называют переписку «*vzajemnymi literalnemi collouiami*»; обмен письмами для них — «*listowna conferencia*». Характерен мотив посещения письмом: «...помянул мя еси писанием твоим посѣтити...». Получение письма создает иллюзию зримого присутствия корреспондента: принимать письмо следует так же, как и самого его автора, что отразилось в мотиве целования письма. Барочные эпистографы жалуются на «традиционные» беды и несчастья: отсутствие бумаги, чернил; постоянные болезни, которые мешают автору взяться за перо. Отправление письма сопровождается каким-либо подарком, чаще всего рыбой. Завершая выступление, докладчица заметила, что «это лишь некоторые моменты, позволяющие рассмотреть эпистолярное наследие барочных литераторов через призму антично-гуманистической теории письма. Однако они не оставляют сомнений в необходимости исследовать письма и послания восточнославянских авторов как

“литературный факт”».

Доклад «Реальная основа легендарной предыстории Руси в “Сказании о Словене и Русе” XVII в.» был прочитан Е. С. Галкиной (сотрудницей Отдела рукописей РГБ). Памятник известен в 100 списках XVII—XVIII вв., древнейший датируется 1630-ми гг. (РГБ, ф. 726, № 2). Докладчица присоединилась к мнению А. В. Лаврентьева о составлении «Сказания» митрополитом новгородским Киприаном (1626—1634 гг.) и предприняла попытку определить его основные источники, основываясь на различной интерпретации в «Сказании» происхождения и роли славянской предыстории народа Русь.

Выступление аспирантки Института филологии СО РАН (Новосибирск) Л. А. Курышевой «Легенда о Русе и Словене в “Русских сказках” В. А. Левшина» продолжило рассмотрение темы, начатой докладом Е. С. Галкиной, но уже в свете литературы нового времени. Л. А. Курышева обратила внимание на использование В. А. Левшиным древнерусского предания об основателях рода Русе и Словене и о получении царских регалий в «Повести о богатыре Булате» из сборника «Русские сказки» (1780—1783 гг.). Из всех событий, изложенных в новгородской «Истории еже о начале руския земли», автор «Русских сказок» выбрал только одно — о приходе и освоении земель. В повести Левшина, в отличие от новгородской повести, из двух братьев первенство отдано Русу. Из древнерусского предания заимствован еще один персонаж — князь Жилотуг; в левшинской «версии» меняется его роль, он изображен слабым правителем. Характеризуя сюжет «Повести о Булате», докладчица отметила, что автор «Русских сказок» «вписывает» в сюжет о прародителях сюжет о получении царских регалий («венца Руса»). Кроме этого, в традициях нового времени переосмысливаются автором и сакральные предметы древнерусских повестей.

Утреннее заседание 16 июня вели доктор филол. наук А. Г. Бобров и Ю. Г. Фефелова. Предварительными наблюдениями над составом библиотеки Корнилиево-Комельского монастыря и его книгописной традиции в XVII в. поделился сотрудник Отдела рукописей БАН А. Г. Сергеев. Сведения о размерах и составе монастырской библиотеки известны по документам не старше второй четверти XVIII в. Ряд источников (прежде всего Житие св. Корнилия) свидетельствует, что основатель монастыря сам активно занимался книгописной деятельностью и создал книгописную школу в монастыре. А. Г. Сергеев предположил, что постриженником Корнилия Комельского был известный каллиграф Исаак Собака. В настоящее время библиотека Корнилиева монастыря как целое не существует. По вкладным и владельческим записям в хранилищах Москвы, С.-Петербурга и Вологды выявлено 13 рукописей конца XV — середины XVII вв., входивших в состав монастырской библиотеки. Еще 4 рукописи связаны с Корнилиевым монастырем по составу и некоторым кодикологическим особенностям. Лишь две рукописи (ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 255, 1543 г. и РНБ, Погод. 787, 1606 г.) из числа выявленных имеют писцовые записи, связывающие их с Корнилиевым монастырем. Еще 5 рукописей, содержащих записи о вкладе в монастырь, более позднего времени, следовательно, не были созданы в его скриптории. Кодикологическое исследование сохранившихся рукописей свидетельствует о том, что некоторые из них создавались в одной книгописной мастерской, но для доказательства того, что скриптории находился именно в Корнилиево-Комельском монастыре, данных пока недостаточно.

Канд. ист. наук А. А. Романова (сотрудница БАН) выступила с докладом «“Предисловие святцам”: состав, источники и история текста». Древнерусское произведение «Предисловие святцам» известно в большом количестве списков XVII—XIX вв. В докладе были выделены составные части произведения и охарактеризована их рукописная традиция до объединения в «Предисловие святцам»; приведены сведения о разнице, имеющейся между отдельными списками в указании даты составления послания, предваряющего «Предисловие святцам», его авторе и адресате. Докладчица представила сравнение основной части «Предисловия святцам» (в ней повествуется о солнечном и лунном годе, високосе, о 4 временах года, о днях и т. п.), состоящей из 8 глав и предваряемой оглавлением, с текстом 8-й книги обширного трактата «Rationale divinorum officiorum» Гийома Дюрана (XIII в.), перевод

которого на русский язык осуществлен в 1495 г. в Новгороде при дворе архиепископа Геннадия.

Большинство докладов, прочитанных в первые дни конференции, посвящалось вопросам славяно-русского рукописного наследия. Сотрудник Государственного Архива Ярославской области Я. Е. Смирнов в выступлении «Труды и издания А. А. Титова: опыт составления библиографического указателя» затронул проблему сохранения рукописного наследия. Докладчик обратился к научному наследию известного собирателя рукописей А. А. Титова, собрание которого в РНБ — одно из крупнейших и заслуженно пользуется популярностью среди исследователей. Обнародовав малоизвестные факты жизни и деятельности ярославского исследователя-коллекционера, Я. Е. Смирнов проинформировал собравшихся о подготовке библиографического указателя работ и публикаций А. А. Титова, выход которого ожидается в скором времени в издательстве г. Ярославля (*Смирнов Я. Е.* Андрей Александрович Титов (1844-1911). М., 2001). Безусловно, указатель будет полезен всем, чья исследовательская работа связана с рукописным материалом.

После небольшого перерыва конференция продолжила свою работу, председательствовали на вечернем заседании доктор филол. наук А. А. Алексеев и Е. А. Турук.

Свое выступление Ж. Л. Левшина (аспирантка кафедры русского языка филологического факультета СПбГУ) посвятила славянскому грамматическому сочинению «О восьми частях слова» (доклад «Славянское грамматическое сочинение “О восьми частях слова” и древнегреческие грамматические школы»). Это сочинение — «первая и самая загадочная из всех славянских грамматик». До сих пор точно не установлено, где, когда, кем и на основе каких грамматических источников оно было составлено. Последней из названных проблем докладчица уделила особое внимание. Первой и основной греческой грамматикой, положившей начало европейской грамматической традиции, является труд представителя александрийской филологической школы Дионисия Фракийского (кон. II в. до н. э.).

Большинство положений, представленных в трактате «О восьми частях слова», прямо или через посредство сочинений византийских авторов восходит к этой грамматике. Исключения составляют оригинальные замечания славянского книжника об отличиях славянского и греческого языков, а также некоторые положения, происходящие от неизвестных источников и противоречащие концепции Дионисия Фракийского (возможна их связь с синтаксической теорией Аполлония Дискола). Учитывая это, можно говорить, что составитель трактата «О восьми частях слова» не ставил своей задачей построение стройной грамматической системы славянского языка в русле определенной концепции. По мнению Ж. Л. Левшиной, он старался изложить свои наблюдения над языком, воспользовавшись для этого различными трудами античных и византийских филологов и схоластов.

В докладе В. В. Иткина «Фрагменты Послания Климента Смолятича в сборнике ГПНТБ СО РАН собрания Тихомирова, сер. XV в.» были рассмотрены и проанализированы древнейшие фрагменты Послания Климента, читающиеся в сборнике из собрания М. Н. Тихомирова, № 397, 1450-е гг. (ГПНТБ СО РАН). Докладчик предложил новую концепцию соотношения текстов, имеющих идентичные фрагменты: Послания Климента Смолятича, Изборника XIII в. и «Словес Избранных Григория Богослова». В отличие от гипотезы Н. В. Понырko, считающей, что два последних памятника заимствовали данные фрагменты из Послания Климента (*Понырko Н. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси XI—XIII веков. СПб., 1992), В. В. Иткин на основании анализа выявленных им текстов высказал гипотезу, что все три памятника восходят к предыдущему (не дошедшему до нас) Посланию Климента к князю. Завершил рабочие заседания конференции доклад Е. В. Катковой (РГПУ им. А. И. Герцена) «О внутренней логике графического убранства русской книги XII—XIV вв.». В нем подчеркивалось, что «внутренняя логика графического убранства, подчиненная задаче выявления структуры текста, является тем стержнем, вокруг которого формируется целостный образ книги». Для оформления русских рукописных книг XII—XIV вв. характерно нарушение внутренней логики убранства при сохранении общего принципа подчинения книжного оформления структуре текста. Это, по мнению докладчицы,

проявляется в отсутствии единообразия оформления книжного убранства одного уровня (заголовков, заглавных букв), а также в непоследовательном использовании этих элементов. Анализ оформления Милятина и Пантелеймонова евангелий конца XII — начала XIII в. (РНБ, F.n.1.7 и Соф. 1). Евангельских чтений XIV в. (РНБ, F.n.1.15) и других рукописей показывает, что не в меньшей степени, чем внутренняя логика графического убранства, оформлению русской рукописной книги присущ динамичный, непостоянный характер, отражающий особенности мышления средневекового мастера.

Научная конференция предполагает не только прослушивание докладов, но и их обсуждение. Каждое заседание конференции по уже сложившейся традиции завершалось прениями. В них принимали активное участие старшие коллеги: А. А. Алексеев, О. А. Белоброва, А. Г. Бобров, В. П. Бударагин, И. А. Лобакова, Н. И. Милютенко, М. А. Момина, Н. В. Понырков, Г. М. Прохоров, О. В. Панченко, М. В. Рождественская, Н. В. Савельева, М. А. Салмина, С. А. Семячко, Л. В. Соколова, О. В. Творогов, М. А. Федотова. Безусловно, прозвучавшие вопросы, высказанные предложения и пожелания — неоценимая помощь для дальнейшей работы молодых исследователей. Не будет преувеличением сказать, что для всех участников конференция «Вопросы славяно-русского рукописного наследия» стала настоящей школой. Завершилась работа конференции подведением итогов. Всеми выступающими единогласно подчеркивалась важность подобных научных встреч молодых ученых; канд. филол. наук Л. В. Соколова, отметив высокий уровень организации конференции и прочитанных докладов, высказала пожелание чаще проводить подобные научные встречи. Доктор филол. наук О. В. Творогов говорил о важности конференции не только для молодых ученых, но и для старших коллег; им было высказано пожелание увидеть публикации прозвучавших докладов, «так как только через живое общение развиваться наука не может».

От имени организаторов научной конференции к участникам и гостям обратилась канд. филол. наук С. А. Семячко. Свое выступление она назвала «Словом о научном руководителе». Обратив внимание на то, что все участники представляли определенную школу, она поблагодарила Н. С. Демкову, Е. К. Ромодановскую, Е. И. Дергачеву-Скоп, А. В. Пигина, В. К. Зиборова, Т. В. Рождественскую, З. М. Гусейнову, М. Б. Свердлова и всех научных руководителей, чьи ученики представляли свои работы на конференции. С ответной благодарностью от имени участников в адрес организаторов и гостей научного форума выступила аспирантка НГУ Е. А. Турук. Участники конференции отправили приветственную телеграмму академику Д. С. Лихачеву, лично, к сожалению, не присутствовавшему на заседаниях.

Закрыв работу конференции доктор филол. наук А. А. Алексеев. Он отметил информативную насыщенность прочитанных докладов, приветствовал стремление участников к полемике, ведению научного диалога и пригласил молодых ученых к сотрудничеству с «Трудами Отдела древнерусской литературы».

Заключительным аккордом в работе научной конференции «Вопросы славяно-русского рукописного наследия» стала экскурсия по Гатчине, Гатчинскому дворцу и пушкинским местам Гатчинского района, состоявшаяся 17 июня 1999 г.

И. В. Федорова
ТОДРЛ. 2003. Т. LIII. С. 654-665.